

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

УДК 316.343.652:316.422(470+571)

А. Л. Андреев

МОДЕРНИЗАЦИЯ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ¹

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: sympathy_06@mail.ru.

Статья посвящена анализу мнений представителей различных поколений российской научно-технической интеллигенции по поводу перспективы перехода России к инновационной модели развития. Выявляются межпоколенческие особенности менталитета, сходства и различия в оценке различных факторов развития отечественной науки и техники, представления о социальных субъектах инновационного развития. Особо выделен вопрос об условиях репатриации эмигрировавших специалистов и эмиграционных настроениях в студенческой среде, а также об условиях и целесообразности привлечения для работы в России иностранных специалистов.

Ключевые слова: инновационная модель, стратегия национального развития, эмиграция научная, управление научным и техническим прогрессом, технонаука, карьера в науке, научное сообщество, социология науки, социология техники.

Обратившись к историческим фактам, нетрудно было бы показать, что во всех странах, пошедших по пути масштабной индустриализации, социальная значимость научно-технической интеллигенции быстро менялась в сторону возрастания. Однако особенно поучителен в этом плане опыт советской модернизации, которая была ни чем иным как своеобразно отрефлектированным социотехническим проектом, целенаправленно ориентированным на быстрое (а с конца 1920-х годов и форсированное) преодоление отставания России от самых передовых научно-технических держав.

Оставим пока вполне очевидный вопрос о социальных издержках данного социально-исторического эксперимента, равно как и мифологическую сторону мечты об «американском размахе», которая явно просвечивает в «громадье» планов большевистской индустриализации. Рассмотрим проблему лишь в одном специальном ее аспекте – с точки зрения обеспечения инновационного развития соответствующим его специфической природе и притом достаточно надежным в плане механизмов его воспроизводства и пополнения интеллектуальным и компетентностным потенциалом.

© Андреев А.Л., 2011

¹ Статья написана в рамках работы по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Проект № НК-582П-60.

Советские руководители прекрасно понимали, кто является носителем этого потенциала, и в полной мере отдавали себе отчет в том, что без сотрудничества со специалистами в различных областях науки и техники невозможно не только осуществление

пропагандируемого ими социального проекта, но и налаживание более или менее нормальной жизни. Проблема, как известно, состояла в том, что все эти люди по своему образу жизни, мировоззрению и социальным связям были «буржуазными» специалистами. Большевистской революции они, за крайне редким исключением, не сочувствовали. Ленинское решение данной проблемы также было вполне буржуазным или, употребляя современную терминологию, рыночным: необходимых новому режиму специалистов надо было просто «купить», предложив им достаточно высокую зарплату, сносные бытовые условия (намного лучшие, чем у большинства населения) и разнообразные льготы (продовольственные пайки, освобождение от пресловутых квартирных уплотнений и др.). Правда, В. Ленин говорил в этой связи и о переубеждении, о том, что каждый специалист в конечном счете придет к социализму через свою профессию, убедившись в том, что новый строй создает более широкое поле для реализации талантов и знаний. Однако это была весьма отдаленная и абстрактная перспектива, которая по сути дела лишь декларировалась, но не оказывала особого влияния на политическую практику. Реально же «буржуазным» специалистам предоставляли возможность оставаться такими, каковы они есть, но при этом ограничивали их в политических и отдельных социальных правах. Власть демонстрировала уважение к некоторым особо крупным представителям научно-технической интелигенции, их могли привлекать и привлекали к разработке важных государственных программ (план ГОЭЛРО), но ни о каком влиянии на механизмы принятия решений не могло быть и речи. Что же касается рядовых «спецов», то для них оборотной стороной более или менее сырой жизни (справедливости ради надо сказать, что в годы массовых голодовок и повседневных лишений и это надо считать очень существенным благом) была весьма жесткая социальная дискриминация, затрагивавшая не только их самих, но и их детей. Существовали, в частности, очень болезненные для образованных людей запреты и ограничения на прием детей «буржуазного происхождения» в высшие учебные заведения, которые сломали или серьезно осложнили немало личных судеб. Так, например, выдающийся советский автоконструктор В.А. Грачев, создатель практически всего обширного семейства отечественных вездеходов, начиная с командирских машин времен Великой отечественной войны и кончая уникальным поисково-эвакуационным комплексом для спасения космонавтов, был в свое время отчислен с 4 курса Томского технологического института за непролетарское происхождение.

В результате возникло специфическое социальное гетто, обитатели которого лишь внешним образом соприкасались с остальным населением в процессе выполнения определенных видов работы. Поскольку их принципиально не признавали «своими», психология внутреннего отчуждения от всего того, что происходит в стране, была для них нормальным состоянием. В большинстве своем специалисты старой школы служили честно, но не выходя за границы «положенного». Они старались не делать формальных ошибок, которые могли бы быть удостоверены экспертизой, но и не стремились к инновационным прорывам, даже если видели такую возможность. Себе дороже! Да и для кого или для чего «выкладываться»? Ведь сфера творчества неподвластна внешнему дисциплинарному контролю: последний реагирует лишь на нарушения правил, но он не в состоянии выявить то, что могло быть сделано «сверх правил», в порядке творческой инициативы, но так и осталось не раскрытым по какой-то причине замыслом.

В целом такое положение вещей с отдельными незначительными коррективами сохранялось на протяжении примерно десятилетия. В течение этого периода с помощью имеющихся научно-технических кадров удалось восстановить функционирование хозяйственного механизма, были разработаны планы реконструкции промышленности и сельского хозяйства на базе широкой электрификации. Вместе с тем, несмотря на отдельные технические достижения (строительство новых электростанций, эксперименты в области цельнометаллического авиастроения, создание радиоустройств и др.), техническая оснащенность производства и быта в СССР 20-х годов мало чем отличалась от дореволюционной. В некоторых же отношениях возможности страны по сравнению с дореволюционным временем даже сократились (это касается, например, проектирования и строительства крупных военных кораблей). В этих условиях отчетливо выявилась принципиальная ограниченность сложившейся в первые послеоктябрьские годы модели отношений между властью и научно-техническим сообществом, непригодность этой модели к быстрым и масштабным инновационным прорывам. Вот почему с началом нового витка модернизации данная модель была пересмотрена. Как известно, значительно усилилась ее репрессивная составляющая (символично, что переход к политике форсированной индустриализации был ознаменован печально знаменитым «Шахтинским делом»). Но все же акцент делался не на этом, а на формировании некоторого минимума доверия между научно-технической интеллигенцией и правящей политической группировкой, на преодоление мотивационных разрывов между ними. Необходимо было добиться эмоциональной самоидентификации интеллигенции если не с делом «строительства социализма в одной отдельно взятой стране» как таковым, то, по крайней мере, с некоторыми ключевыми его аспектами, такими, как развитие отечественной науки, укрепление военно-технической мощи державы и освоение природных богатств страны. Только в этом случае можно было рассчитывать на полную мобилизацию совокупного интеллекта страны, на то, что идеи, замыслы, творческие порывы, выходящие за рамки выполнения формальных обязанностей, не будут «придерживаться» или реализовываться «ни шатко, ни валко», без необходимого в таких случаях «горения».

В этой связи можно говорить о заключении режимом некоего неписаного социального пакта с интеллигенцией. При этом речь шла не только о приобретении ею общегражданских прав и полном восстановлении ранее блокированных социокультурных механизмов ее самовоспроизводства (через систему образования), но и о еще недавно совершенно немыслимом повышении ее социального статуса². Схематически канва событий предстает перед нами следующим образом. Летом 1931 г. И. Сталин в одной из своих речей формально реабилитирует считавшуюся буржуазной интеллигенцию. Осенью того же года без излишней огласки отменяется преимущественный набор в вузы рабочих, и на первый план вновь выдвигаются критерии личных способностей и уровня подготовки. Еще через 4 года социальные критерии при поступлении в вуз были вообще формально отменены. Одновременно ликвидируются катастрофические последствия революционных экспериментов в образовании и восстанавливается отвечающая социальным интересам

² В рамках созданной Октябрьской революцией политической системы это был исторически первый, но не единственный опыт такого рода. Позднее, уже в годы войны, сходный шаг был предпринят в отношении Русской православной церкви. Причем в этом случае он имел характер формального соглашения между И.В. Сталиным и уцелевшей на тот момент от репрессий частью епископата во главе с митр. Сергием (Страгородским).

интеллигенции «школа знаний». В середине 30-х годов резко повышается уровень зарплаты лицам с высшим образованием, причем разрыв в оплате труда между ними и рабочими достигает максимальной за все годы советской власти величины: в 1932 г. служащий получал в среднем в 1,5, а инженер в 2,6 раза больше рабочего (в 1950 г. это соотношение стало уже другим – 0,9 и 1,75 соответственно). Более того, в это время проводятся первые награждения орденами специалистов, добившихся больших успехов в научной, научно-производственной и проектно-конструкторской деятельности. Тем самым их труд признавался государственной ценностью и морально приравнивался к заслугам героев революции [1].

Никакого политического влияния интеллигенция как социальная группа при этом, разумеется, не приобретала (если не считать за таковое чисто декоративное избрание некоторых крупных ученых в депутаты Верховных Советов СССР и союзных республик). Однако в ее высшем эшелоне стали выделяться достаточно влиятельные лоббирующие фигуры, способные инициировать некоторые значимые государственные решения (хорошим примером может служить деятельность отставленного со всех официальных постов академика П. Капицы по созданию Московского физико-технического института).

В результате этого стратегического поворота, существенно изменившего положение и роль научно-технической интеллигенции в обществе, интенсивность научно-технического творчества в СССР значительно возросла. Приводить в подтверждение данного тезиса конкретные примеры вряд ли необходимо: они слишком многочисленны. Достаточно просто напомнить об исходе вооруженного противоборства Советского государства с нацистской Германией, научно-технический потенциал которой в начале 40-х годов XX в. уступал, пожалуй, только США. Современники справедливо охарактеризовали эту войну как «войну моторов». И отдавая должное героизму, проявленному в ней не только Красной Армией и флотом, но и всем населением страны, надо все же понимать, что разгром гитлеровской военной машины стал возможен лишь благодаря тому, что в ходе войны советские научные и инженерные кадры сумели выиграть военно-техническое соревнование с Германией, обеспечив значительное (к 1945 г. буквально на порядок) превосходство советских Вооруженных сил в новейших танках, самолетах, артиллерии. И такой итог не был случайностью: историко-социологические исследования показывают, что он был следствием различий в ментальностях политических элит и в их способности создавать мотивацию для интеллектуальной карьеры [2].

В послевоенный период мотивационный консенсус между научно-технической интеллигенцией и партийно-государственной номенклатурой позволил СССР вырваться вперед на ряде ключевых направлений научно-технического прогресса и в весьма ограниченные сроки создать военно-стратегический паритет с США. Политические решения XX съезда КПСС и последовавшая за ним «оттепель» породили в интеллектуальных кругах страны искренний энтузиазм и большие надежды. Однако уже с середины 60-х годов отношение власти к интеллигенции стало пересматриваться, и социальный пакт с нею стал давать первые трещины, которые постепенно расширялись и становились прямо-таки зияющими. Хотя интеллектуальные профессии оставались достаточно престижными, а верхний эшелон научно-технической интеллигенции (профессура) по советским меркам считался высокооплачиваемым, материальное положение кадров, занятых в сфере умственного труда, относительно других социальных групп заметно ухудшилось. Вначале потому, что на интеллигенцию, занятую в сфере науки и НИОКР, практически не распространялся режим социальных льгот и преференций, которыми пользовались другие

социальные слои (в первую очередь номенклатурное чиновничество, но также и рабочие крупных предприятий). Однако к концу 70-х годов положение изменилось и по соотношению формальных зарплат (например, водитель автобуса в Москве в это время мог получать значительно больше профессора). Более того, в отношении интеллигенции стали возрождаться некоторые, казалось бы оставшиеся в далеком прошлом, меры социальной дискриминации почти что в духе 20-х годов. Так, например, последовательно проводилась линия на жесткое ограничение приема в правящую партию КПСС представителей интеллигенции, включая работников науки и образования. Надо думать, это отразилось не самым лучшим образом на ее способности адекватно реагировать на вызовы времени.

Большой вред подготовке интеллектуальных кадров нанесла начавшаяся в 70-е годы совершенно искусственная реанимация рабфаков (в виде подготовительных отделений университетов и институтов). Считалось, что такое регулирование социального состава студенчества способствует повышению социальной однородности общества, препятствуя превращению интеллигенции в замкнутую группу, воспроизводящуюся в основном на собственной основе. Однако те социальные барьеры, для преодоления которых создавались рабфаки в 20-е годы, уже не существовали, а большинство тех, кто после школы шел на производство, просто не имели особой склонности к учебе. Поэтому слушателей-производственников на подготовительные отделения приходилось буквально заманивать, суля им поступление в вуз фактически без экзаменов. Ясно, что выработать высококачественный продукт из такого исходного «материала» было практически невозможно, однако на это затрачивались значительные средства, не говоря уже о времени преподавателей.

Все это не могло не отражаться на эффективности советской науки и конкурентоспособности инженерно-конструкторских разработок. Одновременно люди, занятые интеллектуальным трудом, стали превращаться в самую недовольную общественную группу. Впрочем, падение советской системы и переход к рыночной экономике методом шоковой терапии принес им еще более горькие разочарования. Шансы для возвращения страны на путь научно-технического прогресса возникли лишь во второй половине 2010-х годов, когда новая, сформировавшаяся уже после ухода Б. Ельцина, финансово-политическая элита достаточно ясно осознала, что ее международный статус и положение в мире напрямую связаны с уровнем развития страны, который в решающей мере определяется ее технологической оснащенностью. Но как воспринимается нынешняя заявка на переход России к инновационному типу развития и ее продвижение в число мировых технологических лидеров в среде научно-технической интеллигенции? Насколько последняя удовлетворена данной программой? Считает ли она ее осуществимой, и что она думает по поводу различных ее аспектов?

Для того, чтобы дать ответы на эти вопросы, в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» было предпринято специальное социологическое исследование. Оно было разделено на два этапа. Вначале (осенью 2010 г.) проводился экспертный опрос высокостатусных представителей научно-технической элиты³, затем (весной 2011 г.) – массовый опрос представителей младшего поколения научных и инженерных кадров, которое идет на смену специалистам советской закалки. Всего на втором этапе исследования было опрошено 997 студентов (начиная со 2 курса) и аспирантов, обучающихся в ведущих центрах технического

³ Результаты этого этапа были опубликованы. См.: Социологические исследования. 2011. №6

образования Москвы – МГТУ им. Н.Э. Баумана, МХТУ им. Д.И. Менделеева, МЭИ, МАИ, Институте связи и информатики, ВЭИ (только аспиранты). Опросные документы, которые использовались на первом и втором этапах исследования, содержали примерно половину общих вопросов, что позволяет оценить как степень сходства, так и поколенческие различия в социальном мышлении респондентов и дает основу для прогнозов по поводу перспективы взаимоотношений между властвующей финансово-политической элитой и научно-технической интеллигенцией страны.

Компетентна ли научная молодежь для вынесения суждений по проблемам стратегии научно-технического развития? Разумеется, не в той степени, как их старшие коллеги с немалым профессиональным и жизненным опытом. Тем не менее, этим мнением они будут руководствоваться в своем социальном поведении. Кроме того заметим, что старшекурсники и студенты ведущих технических вузов Москвы уже активно интегрируются в научную и проектно-конструкторскую деятельность, так что их суждения во многих случаях основаны на определенном (пускай и небольшом) опыте. Свыше трети опрошенных в ходе исследования студентов и аспирантов привлекались к участию в различных научно-технических проектах под руководством опытных специалистов, более четверти уже имеют научные публикации (при том, что доля аспирантов в составе выборки составляет более 10%), а 33 человека (свыше 3%) даже патенты на изобретения. Более половины наших респондентов стараются читать новейшую литературу по своей специальности (правда, делать это регулярно удается не очень многим: регулярно знакомятся с отечественной литературой примерно 15%, а с зарубежной – 11% опрошенных).

Исследование показало, что научно-техническая элита страны, представители старшего поколения российской научно-технической интеллигенции и научная молодежь почти одинаково оценивают то место, которое Россия занимает ныне в той области науки и техники, в которой опрошенные являются специалистами (см. табл. 1).

Таблица 1 Попробуйте объективно оценить место, какое Россия занимает ныне в той области науки и техники, в которой Вы являетесь специалистом, %

Оценка уровня	Научно-техн. элита	Студенты и аспиранты
Занимает ведущие позиции	5,9	6
Входит в число 10-15 наиболее развитых стран	33,5	32,1
Находится где-то в середине списка стран мира	40,6	39,4
Сильно отстала, находится на уровне не самых передовых развивающихся стран	17,6	17,1
Что-то другое	0,6	1
Затрудняюсь ответить	1,2	4,4

Среди факторов, препятствующих переходу России к инновационной модели развития, обе категории опрошенных подавляющим большинством голосов поставили на первое место коррупцию: такое мнение высказали 74% маститых профессоров и около 75% их молодых коллег. Тем не менее, и те, и другие воспринимают программу перехода страны к инновационной модели развития с умеренным оптимизмом. Распределение мнений в обоих случаях также получилось достаточно близким (см. табл. 2).

Таблица 2 Верите ли Вы в возможность технологического рывка современной России?, %

Варианты прогнозов	Научно-техн. элита	Студенты и аспиранты
Да, это может произойти через 5-10 лет	11,8	14,4
Да, это может произойти через 11-15 лет	35,9	32,7
Да, хотя это произойдет не раньше, чем через 20 лет	34,7	28,2
Нет, в ближайшие 30-40 лет этого не произойдет	10,6	17,8
Затрудняюсь ответить	7,1	6,9

Однако эти сходные оценки встроены в существенно различающиеся между собой смысловые и мировоззренческие контексты. Вряд ли надо удивляться тому, что социальное мышление молодежи более «рыночное». Отвечая на вопрос о том, какие экономические структуры наиболее чувствительны к технологическим новациям и способны наладить плодотворную исследовательскую и конструкторскую работу, студенты и аспиранты безоговорочно выдвинули на первое место частный бизнес (46% опрошенных), в то время как у профессуры он котируется практически наравне с государственными предприятиями (соответственно, 34% и 32%). И старшее, и младшее поколения научно-технической интелигенции страны согласны, что молодые, продвинутые предприниматели более восприимчивы к требованиям научно-технического прогресса, чем представители директорского корпуса старой советской закалки. Но у молодежи преимущество первых над вторыми выражено в соотношении 1:6, тогда как у ее старших коллег соответствующая пропорция более мягкая – 1:3,5.

Отвечая на вопрос о том, какой политический строй в наибольшей степени подходит для решения задачи инновационного прорыва России, старшее поколение научно-технической интелигенции выбирает либо либеральную демократию западного образца (23%), либо либерализованный советский строй (примерно 20%), либо «какой-то новый вариант мягкого, просвещенного авторитаризма» (16,5%). За либеральную демократию выступает и определенная часть молодежи (19,5%), но в качестве альтернативы ей в этой среде выдвигаются совершенно не популярные у старших коллег традиционная российская монархия (свыше 12,5%) и даже диктатура сталинского типа (около 12%). Нынешняя система, созданная в Российской Федерации после ухода Б. Ельцина, представляется на этом фоне мало привлекательной: в ее поддержку высказались только 7% профессуры и 4% студентов и аспирантов.

Наряду с другими социальными слоями, российская научно-техническая интелигенция не избежала влияния усилившимся в последнее время в обществе евразийских веяний. Однако старшее поколение сохраняет в своей среде и довольно сильную проевропейскую ориентацию. Среди представителей научно-технической элиты примерно 59% согласились с тем, что Россия – это особая евразийская цивилизация и западный образ жизни здесь никогда не привьется; однако не менее трети респондентов этой категории считают, что Россия исторически принадлежит Европе и только в сотрудничестве с нею она сможет нормально развиваться. Мнения студентов и аспирантов технических вузов распределены иначе: хотя «евразийцев» в их числе немногим больше, чем среди профессуры (примерно 61%), однако доля «европеистов» снижается почти в 2 раза (до 17%). В то же время в «студенческой» выборке становится заметной и более радикальная позиция, состоящая в том, что приоритеты России ныне смещаются на Восток, и только там она сможет найти достаточные ресурсы для своего развития (по результатам исследования

среди научной молодежи этой точки зрения придерживается почти каждый десятый опрошенный).

Высококлассные специалисты, имеющие немалый опыт в руководстве и реализации различных научно-технических проектов, очень критически оценивают возможности нынешних управленческих кадров и бизнес-сообщества, на которое они рассчитывают в реализации заявленной руководством страны программы модернизации. В большинстве своем (60%) респонденты этой категории считают, что ни чиновничество, ни руководители бизнес-структур в настоящее время не обладают той мерой моральной ответственности и компетентности, которая позволила бы вывести Россию на новый виток развития. Студенты и аспиранты в этом отношении несколько оптимистичнее: в данной среде уровень недоверия к уровню руководства экономикой и страной в целом снижается с 60 до 47%. 12,5% высокостатусных научно-технических кадров и 10,5% их молодых коллег считают, что с выдвижением данной программы опоздали, так как научно-технический потенциал страны уже необратимо разрушен.

Несколько разные мнения по поводу уровня компетентности нынешней политической элиты и кадров государственного управления сказываются на оценках некоторых озвученных «на самом верху» шагов и проектов, направленных на развитие научно-технического потенциала России? Например, в отношении идеи создания в России инновационных городов («инноградов») по примеру знаменитой Силиконовой долины в Калифорнии. В целом и видные ученые, и молодежь в равной мере склоняются к умеренно позитивному ее восприятию (и в той, и в другой категории свыше 40% опрошенных заявили о поддержке данной идеи, несмотря на некоторые сомнения в том, что в наших условиях это действительно правильный путь). Но о безоговорочной поддержке строительства инноградов молодые люди заявляли почти в 2 раза чаще, чем представители научно-технической элиты (26% против 15%). Напротив, среди последних в 2 раза чаще встречается однозначно негативное восприятие данной идеи («я против – не нужны нам такие многомиллиардные игрушки»). Соответственно, профессура более сдержанно, чем студенты и аспиранты, высказывается по поводу конкретного плана создания крупного инновационного центра в Сколково. Впрочем, научная молодежь также не продемонстрировала в этой связи особого энтузиазма (см. табл.3).

Таблица 3 Мнения различных поколений научно-технической интеллигенции по поводу создания крупного инновационного центра в Сколково, % к числу опрошенных

Оценки	Научно-техн. элита	Студенты и аспиранты
Инициатива полезная, но плохо проработана, шансы на успех низкие	32,9	28,9
Это настоящий прорыв в будущее	3,5	9,2
Не верю в серьезность данного проекта	30,6	23,5
В принципе инициатива не плохая, но деньги надо вкладывать в другие проекты	12,9	20,3
Имею об этом мало информации	14,1	14,4
Затрудняюсь ответить	5,9	3,7

Видимо, слишком шумное пиар-сопровождение данного проекта произвело обратный эффект и вызвало у наших респондентов настороженность, укрепив их в мнении, что это чисто пропагандистская акция.

Старшее поколение, воспитанное в духе общественного служения и долга перед государством, склонно распространять эти сформировавшиеся в другое время и в других условиях категории своего мышления на реалии современной эпохи. «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Для этого поколения призывы, исходящий от государства, – главный мотивирующий фактор, и разговаривать тут не о чем. Вот почему, когда об отечественной науке наконец «вспомнили», оно, несмотря на весь свой критический настрой, испытывало определенное чувство ностальгии и примирения, чем-то похожее на то, что, как говорят, пережили весной 1945 г. некоторые представители послеоктябрьской эмиграции, увидев на улицах европейских городов русских офицеров-победителей с золотыми погонами на плечах. Представители только еще входящего в жизнь поколения настроены в этом отношении намного прагматичнее. Об этих различиях в мышлении косвенно свидетельствует характер ответов на вопрос, что могло бы привлечь в Россию покинувших ее в последние два десятилетия квалифицированных ученых и инженеров. Если среди профессуры возобладало мнение, что самое важное здесь – научная политика и «общая ситуация» в российской науке, то их младшие коллеги на первое место выдвинули условия, которые будут им предложены. Надо полагать, что и для себя они тоже ждут соответствующих условий.

В последние годы мы слышим постоянные жалобы чиновников Минобрнауки РФ и других государственных ведомств на то, что выпускники многих российских вузов, в особенности технических, не идут работать по полученной ими специальности. Однако, как показало проведенное нами исследование, сменить направление своей профессиональной деятельности хотел бы лишь каждый десятый студент. Большинство же хотели бы, если это будет возможно, работать по полученной специальности. Таким образом, вопрос упирается все в те же условия, на которые могут рассчитывать в России молодые специалисты.

В этой связи мы предложили нашим молодым респондентам список из 14 центров развития мирового класса с тем, чтобы они оценили по 10-балльной шкале уровень их научно-образовательного потенциала и предоставляемых ими возможностей для работы и творческого роста. В список вошли 4 российских города (обе столицы, Новосибирск и Владивосток), столица сопредельной и во многом похожей на нас Украины – Киев, а также Париж, Лондон, Берлин, Нью-Йорк, Сан-Франциско (из-за расположенной неподалеку Силиконовой долины), Хельсинки, Пекин, Токио и Бразилия. Первые 3 места в этом списке заняли Токио, Сан-Франциско и Пекин (с оценками соответственно 8,24; 8,01 и 7,68 балла). Москва оказалась в нем только восьмой (5,98 балла), Петербург десятым (5,71), Новосибирск одиннадцатым (5,12). Владивосток же, на 0,13 балла отстав от Киева, замкнул список со средней оценкой 4,35.

Как видим, результаты для России отнюдь не блестящие. И это непосредственно отражается на жизненных планах научной молодежи. Еще сравнительно недавно, в первые годы после отставки Ельцина, социологические опросы фиксировали значительный спад эмиграционных настроений в студенческой среде. Первые шаги нового руководства страны порождали в этой среде надежды на то, что наука и образование вновь будут нужны стране. Россия, казалось бы, вновь становилась подходящим местом для приложения сил, знаний и талантов. Теперь, по прошествии десятилетия, эти настроения в значительной мере ослабли. Разумеется, 90-е годы и сравнить невозможно с нынешним положением вещей. Студенты и аспиранты в общем и целом достаточно позитивно оценивают условия профессиональной

деятельности по своей будущей специальности. Однозначно негативно они оценивают, пожалуй, только один параметр – возможность составить себе имя в науке. Но... у них есть возможность сравнивать, и они хорошо видят, что происходившие в последние годы улучшения все равно не ставят их в равное положение с теми, кто работает в научных центрах США, Западной Европы и бурно развивающихся стран Восточной Азии.

Лет 15 назад зарплата в 500 долл. показалась бы российскому ученому, даже в самом высоком ранге профессора, пределом мечтаний. Сейчас это время ушло в прошлое и может вызвать у нас только грустную улыбку⁴. Конечно, научная молодежь все это видит и понимает, эмиграционные настроения вновь стали рести. По данным нашего исследования, на работу в России нацелены лишь четверть молодых респондентов. В то же время свыше 17% совершенно определенно хотели бы выехать за рубеж и еще столько же ответили, что не исключают такой возможности и все зависит от условий, которые им предложат. Есть еще одна категория опрошенных – те, которые в принципе предпочли бы работать в России, но хотят пройти стажировку и поработать за границей. Таковых в нашей выборке оказалось примерно 38%. Теоретически они для нас не потеряны. Однако именно теоретически. Опыт показывает, что стажировки и временная работа – это не что иное, как своеобразный инструмент отбора, первое звено сложного механизма утечки мозгов. Дальше вступают в действие другие механизмы, призванные закрепить кадры там, где в них заинтересованы. Продолжить свою карьеру в западных фирмах предложат, конечно, не всем. Но, разумеется, самым лучшим и перспективным.

Было бы, впрочем, неправильно полагать, что изменение настроений студенчества и молодых ученых связано только с несоответствием их представлений о «достойной» оплате труда и той зарплатой, на которую они могут рассчитывать в России. Немалое значение имеет слабая социальная защищенность россиян, а также не согласующаяся ни с какими разумными соображениями бюрократизация научной деятельности, ее отягощение самыми разнообразными формальными процедурами, составлением бесчисленных отчетов и т.д.. Особо следует сказать о реформах в образовании, упорное проведении которых, вразрез с мнением образовательного сообщества и невзирая на многочисленные публичные скандалы, выглядит как некая иррациональная акция. Среди студентов и аспирантов московских технических вузов полностью согласны с политикой в области образования 1,6% (!), более или менее склоняются в ее пользу около 7%, а 38% считают, что многое в ней вызывает серьезные возражения, 46% признали ее как совершенно неправильной. Согласно представлениям этой части учащейся молодежи, вопросы развития образования должны решаться: на многосторонней основе с участием всех заинтересованных сторон, мнения которых одинаково важны (28% полученных нами ответов); согласно мнению экспертов, специалистов (26%), а также педагогов и педагогических коллективов (25%). Готовы предоставить в этой области решающий голос политикам и правительству только 2%, работодателям, бизнесу – 4%, самим учащимся – 5,5%.

Сравним распределение мнений по вопросу о том, кому должен принадлежать решающий голос в образовании, с тем, что думают наши респонденты по поводу формирования политики в области науки и научно-технического развития. Здесь картина получилась еще более выразительной. На первое место подавляющим большинством в 2/3

⁴ Вернувшийся из командировки университетский товарищ рассказывает, как живет его китайский коллега, заведующий кафедрой в одном из ведущих вузов Пекина: пентхауз на охраняемой территории, многочисленный обслуживающий персонал... Разумеется, это не уровень миллионера (которых в Китае тоже хватает). Но кто из самых видных и заслуженных российских ученых может позволить себе что-то подобное?

голосов были выдвинуты эксперты-специалисты. В пользу финансово-экономических элит, бизнеса, а также правительства высказались лишь по 2,5% опрошенных. Можно, конечно, спорить с таким подходом, настаивая на его односторонности. И в этом, наверно, есть определенный резон. Для нас, однако, сейчас важна не мера справедливости рассматриваемой точки зрения, а само ее существование и ее социальная значимость.

Данные, полученные в ходе описываемого нами исследования, перекликаются с результатами более ранних опросов, показавшими, что в российской научно-технической элите сильны технократические настроения, которые воспроизводятся и в младшем ее поколении, и то, что она хотела бы иметь свой собственный голос в определении политического курса страны, в особенности в вопросах, непосредственно относящихся к ее профессиональной компетенции и к ней примыкающим. Между тем сложившаяся общественно-политическая система и превалирующий в ней дискурс сконструированы совсем иначе. Для них характерна тенденция к закреплению ведущих организационно-управленческих ролей за новыми социальными персонажами – менеджерами. Как-то само собой, без особых дискуссий в качестве аксиомы утверждалось представление о том, что менеджер просто по определению выступает носителем некоего особо ценного (но при этом совершенно не отрефлектированного) качества – эффективности. При этом функции менеджера абсолютизируются и в значительной степени отделяются от содержания деятельности. Предполагается, например, что если г-н Н проявил себя в управлении сетью супермаркетов или преуспел в качестве банкира, то он легко справится и с организацией медицинского обслуживания или с задачами развития энергетики. Уже пробивает себе дорогу идея назначения «эффективных менеджеров» руководителями научных учреждений и вузов, а то и заведующими кафедрами.

Впрочем, как это ни парадоксально, в перечисленных новациях не так уж трудно разглядеть хорошо забытое старое: в чем-то они напоминают, например, немного подзабытую практику советской «номенклатуры», представители которой могли назначаться на самые разные должности, по принципу «куда партия пошлет»: скажем, сегодня, ты руководишь профсоюзом, а завтра, к примеру, искусством или потребкооперацией. Впрочем, тогда данный подход действовал не везде, некоторые наиболее сложные и ответственные участки предпочитали поручать профессионалам: медицину – врачам, науку – математикам и физикам, а оборонную промышленность – инженерам соответствующего профиля.

Что в складывающейся ситуации остается на долю научной и инженерно-технической интеллигенции? Очевидно, что если отмеченная нами тенденция сохранится, она будет постепенно утрачивать перспективу доступа к функциям управления, по крайней мере – начиная с определенного уровня. Что же касается мест «на самом верху», то они уже заранее зарезервированы. Не для нее, а для детей крупных чиновников и аффилированных с ними представителей крупного бизнеса, которым по получении за границей степени магистра делового администрирования уже сегодня немедленно предоставляются высокие посты в правлении крупных банков и корпораций. Если исключить какие-то особые, исключительные случаи, резко повышающие личный статус данного индивида (например, Нобелевская премия, премия Филдса и т.п.), для научно-технической интеллигенции остается лишь роль наемных служащих, не отягощенная какими-либо романтическими реминисценциями типа «к творческим людям нужен особый подход». В некотором смысле это тоже своего рода «повторение пройденного» – складывающаяся в перспективе ситуация в известном смысле напоминает «покупку» интеллекта, практиковавшуюся в первые

послеоктябрьские годы. Не обернется ли повторение такой социальной политики повторением и ее результатов в плане торможения модернизации и вырождения ее в простую смену политической фразеологии? Вряд ли молодые ученые и будущие инженеры размышляют на эти темы аналитически. Однако они хорошо знают названные нами социальные факты и реагируют на складывающуюся ситуацию интуитивно. Отсюда и идет несколько гипертрофированное, но в основе своей понятное представление о том, что по крайней мере в области научной и технической политики, а также в образовании решающую роль должны играть специалисты, поскольку только они могут учесть все относящиеся к тому или иному делу нюансы.

Несмотря на весь свой критический настрой по поводу различных конкретных аспектов правительенной политики и отдельных ее деятелей, старшее поколение довольно лояльно воспринимает сложившуюся в последние годы государственную бюрократию: только 13,5% профессуры высказали мнение, что последняя не способна руководить процессом перехода страны к инновационному развитию, и лишь 5,5% считают, что для успешного развития российской науки необходимо предоставить академическим сообществам больше возможностей влиять на государственную политику. В отличие от этого младшее поколение научно-технической интелигенции склонно воспринимать имеющийся сегодня аппарат управления как главный фактор торможения модернизации: доля считающих, что чиновники просто неспособны руководить переходом страны к инновационному развитию, в этой категории респондентов повышается до 2/3, т.е. примерно в 5 (!) раз.

Обобщая приведенные данные, можно прийти к выводу, что упования некоторых российских социальных теоретиков и определенной части финансово-политического истеблишмента на то, что естественная смена «советских» поколений на постсоветские сама собой облегчит воплощение в жизнь их представлений о том, как должна развиваться Россия, достаточно иллюзорны. Скорее всего уже в недалеком будущем российские политические и бизнес-элиты встретят в лице младшего поколения научно-технической интелигенции значительно более pragматичного и требовательного партнера, чем это было раньше. А налаживание диалога с этим партнером, которое необходимо для их выживания в условиях формирующегося глобального мира, определенно потребует смены социальных приоритетов и существенной трансформации сложившейся в последние годы социальной модели.

Литература

- 1 Fitzpatrick S. Education and social mobility in the Soviet Union, 1921–1934. L. ; N. Y. ; Melbourne, 1979.
- 2 Herf J. Reactionary modernism : technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge ; N. Y. ; Melbourne, 1984. P. 202.

- 11 Кобзев А. В. Взаимодействие университета и бизнеса: опыт Том. гос. ун-та
систем управления и радиоэлектроники // Университетское управление:
практика и анализ. 2007 №1